

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ

въ отношеніяхъ къ западно-европейскимъ поэтамъ-классикамъ (Данте, Шекспиру, Гёте) и, сравнительно съ ними, какъ народный русскій поэтъ-гений.

(Рѣчь, произнесенная 27 мая въ актовомъ залѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, въ торжественномъ собраніи въ память столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина).

ВЧЕРА и сегодня, здѣсь, въ Петербургѣ, въ свято-пре-
стоальной Москвѣ и въ безчисленныхъ, близкихъ и даль-
нихъ мѣстахъ нашей широкой и многоязычной Руси
происходили и происходятъ торжественно-мирныя и высоко-
поучительныя собранія, посвященныя юбилейнымъ воспо-
минаніямъ о поэтѣ-гени — представителѣ и изящномъ вырази-
телѣ возвышеннѣйшихъ и благородно-прекраснѣйшихъ началъ,
стремленій и проявленій въ отдѣльномъ человѣкѣ, въ обще-
ствѣ, въ народѣ и въ цѣломъ челоѣчествѣ. И мы собрались
здѣсь за тѣмъ же, за тѣмъ, чтобы почтить память нашего
великаго поэта, по случаю исполнившагося столѣтія со дня
его рожденія — почтить память А. С. Пушкина, а въ этомъ
почтеніи его памяти, хотя бы на мгновеніе, сосредоточиться
и отдохнуть душою подѣ возможностью и дѣйствительнымъ
общимъ признаніемъ превосходства и (рано или поздно) тор-
жества на землѣ началъ правды, добра и идеально-чистой
красоты и благородства въ словѣ, въ мысли и въ жизни...

Не въ первый разъ съ этой дорогой для насъ академи-
ческой каѣдры раздается слово о Пушкинѣ. Семнадцать лѣтъ
тому назадъ, покойный профессоръ нашей академіи, Влади-

міръ Васильевичъ Никольскій, на торжественномъ академическомъ актѣ, 17-го февраля 1882 года, въ многочисленномъ и высокоименитомъ собраніи присутствовавшихъ, произнесъ рѣчь объ идеалахъ Пушкина, въ которой старался, съ помощію продолжительнаго изученія и внимательнаго художественно-психологическаго анализа его поэтическихъ произведеній, представить возвышенно-благородную личность поэта, съ его религиозно-нравственными, политическими и общественными идеалами, въ разные моменты и переходы его послѣдовательнаго развитія и духовнаго роста. Кромѣ собственныхъ литературно-поэтическихъ и историко-біографическихъ произведеній Пушкина, покойный профессоръ не имѣлъ и не могъ располагать тогда другимъ болѣе или менѣе достаточнымъ историко-литературнымъ матеріаломъ для уясненія и подтвержденія сдѣланныхъ имъ наблюденій и выводовъ. Я счастливъ, что мнѣ, со товарищу и преемнику покойнаго профессора по кафедрѣ, выпало на долю, спустя семнадцать лѣтъ, съ этой же кафедры, и въ такіе торжественные для памяти великаго поэта дни — дни его столѣтняго юбилея, — заявить, что обнаруженные за это время многочисленные матеріалы — письма самого Пушкина, записки, письма и воспоминанія разныхъ лицъ изъ числа его современниковъ, — вполне оправдали и подтвердили мастерски сдѣланную имъ характеристику свѣтлой и гуманно-возвышенной личности нашего поэта, съ его идеальнымъ міромъ и общимъ нравственно-философскимъ міропредставленіемъ. Такъ, еще на-дняхъ появился обширный сборникъ переписки между двумя самыми близкими къ А. С. Пушкину лицами — княземъ П. А. Вяземскимъ и А. И. Тургеневымъ, даровитыми и просвѣщеннѣйшими людьми его времени, — цѣлый громадный и драгоценный томъ писемъ (всего 255), за время 1812 — 1819 годы, первый изъ четырехъ, составляющихъ полное собраніе. И вотъ, въ этомъ рядѣ писемъ находимъ еще и еще новыя данныя для изученія русскаго общества временъ Пушкина и его духовнаго развитія за первый и самый бурный періодъ юношескихъ лѣтъ его жизни и невольныхъ шалостей и прегрѣшеній среди окружавшаго его столичнаго общества (по выходѣ изъ Лицея до 1820 г., когда онъ былъ отправленъ на югъ Россіи, на службу). Словомъ, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о томъ, что Пушкинъ былъ не только великій народно-русскій поэтъ-геній, но и возвышенно-благороднѣйшій человѣкъ, какъ нравственно-самоопредѣленная лич-

ность, истинный рыцарь «безъ страха и упрека» относительно долга и чести: онъ и палъ, погибъ преждевременно, какъ «невольникъ чести», по словамъ другаго великаго русскаго поэта, его современника, въ мелодически-грустныхъ аккордахъ стиха оплакавшаго горестную его кончину (Лермонтовъ). Между тѣмъ, повидимому, ни родная семья Александра Сергѣевича, воспитавшая его, ни общество, среди котораго ему пришлось жить и вращаться въ жизни, не только не представляли вполне благопріятныхъ условий для исканія и выработки нравственно-идеальныхъ представленій и высокихъ художественно-поэтическихъ созданій творческой мысли генія, но и прямо, на каждомъ шагѣ, тянули его въ сторону обыденной, неприглядной и пошлой рутины (извините за это иностранное слово, но замѣнить его русскимъ пока нельзя), составлявшей тогдашній жизненный обиходъ, на самомъ видномъ фонѣ котораго стояло тогдашнее полу-французское, полу-татарское крѣпостническое барство, за которымъ невидны были ни «народъ порабощенный», ни жалкое чиновничество и всѣ другіе слои многоводнаго русскаго моря — народа. Откуда же взялись у него эти богатырскія — «сила гордая, мощь высокая» — и для борьбы съ непригляднымъ мертвенно-гнетущимъ, но всетаки роднымъ окружавшимъ его міромъ, и въ могучемъ стремленіи впередъ, къ свѣту и свѣту, въ исканіи и въ провозглашеніи «любви и правды» высокихъ и «чистыхъ ученій»? Кто и какъ помогъ ему стать тѣмъ вѣщимъ пророкомъ, который, исполнившись божественной воли, дерзалъ «обходя моря и земли, глаголомъ жечь — воспламенять сердца людей» (стихотвореніе «Пророкъ»)? Какъ происходило и произошло это? Вопросъ очень обширный и сложный, но тѣмъ не менѣе я хотѣлъ бы дать хотя бы нѣкоторый отвѣтъ на него, но для этого я долженъ прежде всего просить высокопочтенное собраніе позволить мнѣ маленькую экскурсію въ область западно-европейской исторіи и литературъ, позволить небольшое отклоненіе отъ прямого объекта — предмета моей рѣчи, на нѣсколько минутъ отдаляющее насъ непосредственно отъ того поэта-генія, бюстъ котораго находится предъ нами (Пушкина)... Какъ увидимъ такое отклоненіе, по существу, необходимо, я же постараюсь быть возможно краткимъ, не подвергая испытанію ваше просвѣщенное вниманіе.

Въ 80-е годы XIV столѣтія, въ одномъ скромномъ монастырѣ — въ монастырѣ Св. Духа во Флоренціи, въ отшельнической

келліи достопочтеннаго августинскаго монаха Луиджіо Марсильи происходили частыя собранія небольшого ученно-литературнаго кружка, среди выдававшихся членовъ котораго были такіе вліятельные лица изъ мірянъ, какъ напр. канцлеръ флорентійской республики Коллючіо Саллютато, знаменитые впоследствии гуманисты Раберто ди Росси, Никколо Никколи и др. Душею собраній былъ самъ гостепріимный хозяинъ, ученый богословъ и глубокій знатокъ латинскихъ классиковъ, поражавшій въ его застольныхъ бесѣдахъ неистощимымъ запасомъ познаній, краспорѣчіемъ и остроуміемъ, веселостію и вообще необычными для того времени и окружавшей обстановки жизнерадостнымъ настроеніемъ и непринужденностію. На собраніяхъ этихъ широко и свободно обсуждались и дебатировались самые разнообразныя вопросы богословія и философіи, древностей и литературы, начинавшихъ становиться предметомъ живѣйшаго интереса въ обществѣ. Подобныя же непринужденныя собранія и кружки съ цѣлями философски-просвѣтительными и литературно-художественными все больше и больше распространяются по Италіи въ слѣдующемъ затѣмъ вѣкѣ, пока не появляются настоящія такъ называемыя платоновскія академіи во Флоренціи и въ другихъ мѣстахъ, въ вѣкѣ Медичисовъ. Академіи и кружки этого рода въ Италіи XV—XVI вѣковъ были первыми и надежными этапами на пути того движенія, которое, развиваясь постепенно, мало по малу охватило всю Италію, перешло затѣмъ въ Германію, Францію, Англію, коснулось даже Испаніи, при всей консервативности ея въ охраненіи средневѣковыхъ учреждений и строя жизни. Движеніе это, первый толчекъ которому былъ данъ тремя славными корифеями новой итальянской литературы—Данте, Петраркой, Боккачіо, извѣстно въ исторіи подъ названіемъ «гуманизма» и «возрожденія — renaissance». Характерную черту этого движенія въ Западной Европѣ составляло то, что начинаясь въ той или другой странѣ подражаніемъ и прямымъ заимствованіемъ чужеземно-иностраннымъ, и слѣпымъ, нерѣдко страстнымъ увлеченіемъ въ распространеніи, расширеніи и пропагандѣ заимствованій,—оно—это просвѣтительно-гуманитарное возрожденіе постепенно теряло свой иноземный характеръ, усвоялось и претворялось въ плоть и кровь того или другаго народа, становилось его собственнымъ неотъемлемымъ достояніемъ и проявлялось блестящими успѣхами въ самостоятелно-народномъ и самобытно-независимомъ развитіи въ области науки, искусствъ, литературы и общественной

жизни, при чемъ снова происходилъ быстрый обмѣнъ между отдѣльными народами относительно сдѣланныхъ ими самостоятельныхъ открытій и пріобрѣтеній въ области науки, философіи, литературы и искусства и дальнѣйшее такое же движеніе впередъ и впередъ. Такъ было въ самой Италіи, такъ было въ Германіи, Франціи и Англии. Правда, для Италіи эпоха возрожденія и гуманизма началась возвращеніемъ къ ея же собственной родной старинѣ (почему это движеніе впервые началось и совершилось именно въ Италіи), которая къ тому же никогда собственно и не замирала въ ней въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, какъ эта неопровержимо доказываютъ многочисленнѣйшіе факты минувшаго и настоящаго времени. Но только съ конца XIV по XVI вѣкъ древность создаетъ Италію, какъ самостоятельно-опредѣленную національно-бытовую величину, съ своею наукою, философіею, искусствомъ, литературою и языкомъ. XVI вѣкъ — разцвѣтъ искусствъ въ Италіи и какъ разъ въ этотъ же вѣкъ вмѣстѣ съ первыми европейскими гуманистами для Запада Италія даетъ и намъ, въ лицѣ Максима Грека — перваго, хотя и не русскаго по происхожденію и воспитанію — «новаго человѣка на Руси», заложившаго сѣмена умственнаго и общественнаго развитія, которымъ однако пришлось довольно долго покоиться въ дѣвственной почвѣ нетронутой еще цѣлины русскаго средне-вѣковья. Италіи возрожденіе дало блестящее искусство, богатую поэзію, чудный, неподражаемо звучный языкъ и — надежду, рано или поздно, стать государствомъ независимымъ отъ непогрѣшимаго Ватикана, что дѣйствительно и совершилось въ наши дни. Изъ Италіи гуманизмъ и возрожденіе переходятъ въ Германію, гдѣ они сливаются съ самостоятельно начавшимся реформаціоннымъ движеніемъ и, переживъ время страшныхъ гражданскихъ и религіозныхъ потрясеній, послѣдовательно приводятъ нѣмецкій народъ къ блестящему, классическому періоду ихъ національной поэзіи и философіи, съ именами Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте, Канта и т. д. Гёте и Кантъ — совершеннѣйшее воплощеніе нѣмецкаго генія и наивысшее выраженіе западно-европейскаго возрожденія въ Германіи, въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX в. Во Франціи возрожденіе дѣлаетъ свои первыя завоеванія въ XVI вѣкѣ, въ XVII в. Франція имѣетъ уже свою настоящую классическую поэзію и свою философію, начавшуюся скептическимъ вопросомъ «Essais — Опытвъ» Монтеня: «que sais-je? что я знаю?» — философію, продолженную

философской математикой Декарта и Паскаля и продолжавшую развиваться, отчасти подъ англійскимъ уже вліяніемъ, до послѣднихъ столбовъ и выводовъ скепсиса и отрицанія, погубившихъ Францію временъ Людовиковъ, всколебавшихъ весь Европейскій міръ страшными опустошеніями и опозорившихъ челоѳчество невѣроятными кровавыми зрѣлищами господства дикихъ страстей. Въ Англій — Шекспиръ, Беконъ, Локкъ — наивысшее выраженіе благъ и пріобрѣтеній временъ возрожденія, въ области же государственной и общественной жизни — могучая правительственная организація, всесвѣтное господство и какъ прямое послѣдствіе этого — богатства, просвѣщеніе и превосходное воспитаніе въ чисто народномъ духѣ ведутъ свое начало отъ тѣхъ же временъ — временъ возрожденія въ вѣкъ Елизаветы...

Мы, русскіе, долгое время стояли не только въ сторонѣ отъ этого просвѣтительнаго движенія, но какъ будто даже и неподозрѣвали о немъ. Правда, еще съ XVI вѣка мы начали подготавливаться къ сближенію съ Западомъ — къ принятію и усвоенію его просвѣщенія и его строя жизни. Но, по несчастному стеченію разнаго рода обстоятельствъ, движеніе впередъ изъ Москвы, хотя и начиналось уже, но пріостановилось, и мы, разбираясь въ своихъ московско-великорусскихъ дѣлахъ, должны были предварительно узнавать и принимать къ себѣ западное просвѣщеніе заднимъ числомъ, въ томъ его видѣ и въ тѣхъ формахъ и проявленіяхъ, какія на западѣ тогда уже отжили свой вѣкъ, или, вѣрнѣе — свои вѣка. Я разумью латино-польскую схоластику, пересаженную къ намъ въ Москву изъ юго-западной Россіи. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: требовалось отстоять православіе, противъ котораго направлялись всѣ силы этой именно схоластики, съ ея испытаннѣйшими и самыми фанатичными дѣятелями — иезуитами, а это единственно и возможно было подъ условіемъ — умно и умѣло воспользоваться ихъ же оружіемъ — той же схоластикой, съ латынью, диспутаціями, виршами и проч. И юго-западная Русь — честь и слава ей — отстояла, оберегла и сохранила православіе. Центръ тяжести всего дальнѣйшаго умственнаго и общественнаго развитія Руси переносится затѣмъ не только въ Москву, но еще дальше на Сѣверъ, къ намъ, сюда, въ градъ, созданный Петромъ. На сцену выступаетъ Петръ Великій. — «полу-богъ» или «божество, въ подобіи челоѳка», какъ называли его наши поэты XVIII в. . . воснѣвавшіе его поразительную личность. Окно въ Европу —

и въ Европу «новую», а не средневѣковую схоластическую, — теперь было открыто, и открыто настѣжь, во всю ширь и просторъ. Но мыслимо ли было, безъ школы, безъ продолжительной и серьезной подготовки, не только разомъ стать на ряду съ просвященнѣйшими народами Западной Европы, уже пережившей ранніе и средніе вѣка возрожденія, но и просто осмотрѣться и съумѣть разобрать и отличить наружную, показую сторону образованія и общественности отъ дѣйствительной и глубоко серьезной основы и сущности, скрывавшейся за нею? А между тѣмъ нужна была и имѣла дѣйствительно возрождающую и оплодотворяющую силу жизни именно только послѣдняя. И цѣлый XVIII вѣкъ ушелъ для насъ на безразборчивое и юношески-поспѣшное перениманіе послѣднихъ словъ и формъ жизни Запада этого вѣка, не справляясь и не имѣя возможности справляться съ тѣми началами, отъ которыхъ они исходили и оставляя въ полномъ пренебреженіи и свое вѣковое историческое прошлое, и условія современной русской дѣйствительности. Не говоря уже о русской наукѣ, начало которой всетаки положено было Ломоносовымъ, собственно настоящей художественно-народной литературы за этотъ вѣкъ у насъ не существовало, не смотря на обиліе всяческихъ питовъ и книгописателей, разныхъ чиновъ и званій по общественному положенію и литературнымъ достоинствамъ. Наша литература XVIII вѣка до Жуковского и Пушкина включительно была такимъ же пересаженнымъ и къ тому же увядавшимъ уже произрастеніемъ Запада тѣхъ временъ, какимъ были напр. табель о рангахъ или педагогическіе проэктъы и «Наказъ» императрицы Екатерины II, и потому въ ней господствовали и послѣдовательно смѣнялись господствовавшія и вновь появлявшіяся тогда на Западѣ разныя направленія, сообщавшія нашей литературѣ сначала характеръ франко-нѣмецкаго классицизма, затѣмъ англо-германо-французскаго сентиментализма, который потомъ началъ переходить въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. почти исключительно въ нѣмецкій романтизмъ. Всѣ эти направленія имѣли на Западѣ свою продолжительную исторію, связаны были тѣснѣйшимъ образомъ съ внутреннимъ ростомъ западно-европейскаго самосознанія и общественности, со временъ первыхъ начатковъ Западно-европейскаго возрожденія, и носили на себѣ неизгладимыя черты національныхъ особенностей тѣхъ народовъ, отъ которыхъ они перенимались нами. Возьмите, напр.,

такъ называемый ложный классицизмъ: перенесенное во Францію въ XVI в. изъ Италіи, въ пору ранняго французскаго *renaissance*,—это направленіе до такой степени прониклось истинно французскимъ духомъ и особенностями французскаго народнаго генія, что самые видные, классическіе представители этого направленія—Корнель, Расинъ, Мольеръ, даже Вольтеръ считаются и всегда будутъ считаться самыми національными, самыми выразительными представителями французовъ, какъ опредѣленной, исторически и этнографически обособленной національности. А наши поэты XVIII в. хотѣли быть не чѣмъ инымъ, какъ россійскими Расинами и господами Вольтерами и, занимаясь описаніемъ и т. под., по разнымъ случаямъ и вызовамъ, добровольно и по приказу начальства, трепетали отступить отъ азбучныхъ правилъ и предостереженій, продиктованныхъ законодателемъ тогдашняго Парнаса—французомъ Буалодъ (въ его «L'Art poétique»), у котораго, оказывалось, поэтическое творчество было введено чуть ли не въ предѣлы математически-философскихъ расчисленій и расчлененій по методамъ Декарта и Паскаля. И это направленіе господствовало у насъ почти цѣлый вѣкъ—отъ Кантемира и Ломоносова до позднихъ лѣтъ жизни «пѣвца славныхъ дѣлъ Екатерины» Державина. Что же могло дать для нашего дѣйствительно народнаго возрожденія и художественнаго развитія подобное перениманіе такихъ чуждыхъ намъ литературныхъ направленій? Конечно, была и полезная сторона въ этомъ перениманіи: на немъ мы упражнялись, проходили годы своего ученичества въ школахъ западно-европейской науки и литературы, — но — отъ ученичества до полной зрѣлости самостоятельно-народнаго развитія и творчества—разстояніе очень большое. И вотъ это разстояніе до Пушкина никто у насъ на Руси не счумѣлъ и никто не въ силахъ былъ перейти. Пушкинъ перешелъ его. Онъ сразу явилъ себя истиннымъ носителемъ и выразителемъ Европейскаго возрожденія, самъ и—быстро прошелъ всѣ стадіи его развитія и занялъ мѣсто въ одномъ ряду съ великими поэтами-художниками культурныхъ народовъ, какъ истинно-національный поэтъ и міровой геній.

Пушкинъ, какъ сказочный богатырь, росъ и выросталъ не по днямъ, а по часамъ. Къ 18 годамъ жизни онъ уже въ извѣстной степени всецѣло владѣлъ всѣмъ умственнымъ и литературно-художественнымъ содержаніемъ нашего общественнаго развитія за XVIII в., а тамъ, не останавливаясь, онъ идетъ впередъ

и впередъ—къ тому, на чемъ покоится и что дѣйствительно составляетъ основу западно-европ. просвѣщенія, начиная вѣками возрожденія, и въ то же время онъ все больше и больше выясняется и въ своемъ народно-русскомъ и міровомъ значеніи. Здѣсь именно невольно вспоминаются и выступаютъ предъ нами имена трехъ великихъ поэтовъ—мыслителей, которыхъ высоко цѣнили и на которыхъ въ концѣ концовъ довершилъ свое литературное образованіе Пушкинъ—имена Данте, Шекспира Гёте. Есть даже поразительное и несомнѣнное сходство въ его литературной жизни и въ жизни этихъ поэтовъ. Юношески-страстные, хотя и меланхолическія канцоны и сонеты молодого Данте, пламенные, можно сказать, огненные, захватывающіе массой свѣта, веселостью и жизне-радостнымъ настроеніемъ, первые стихи и поэмы Шекспира, Гётевскій Вертеръ и его стихи времени Sturm- und Drangperiode — всѣ эти произведенія молодости великихъ поэтовъ и—стихи Пушкина до отъѣзда на Югъ Россіи (въ 1820 г.), а также и поэма «Русланъ и Людмила», относящаяся къ этому времени, до того сходны, что какъ будто исходили изъ одного и того же поэтическаго настроенія и вдохновенія, несмотря на несоизмѣримую разность времени, культуры и условій общественной жизни. Но Пушкинъ работалъ надъ собою, работалъ быстро и неустанно, какъ работали и названные великіе поэты. Характерной особенностію послѣднихъ въ ихъ личномъ развитіи было то, что начиная подраженіемъ и продолженіемъ господствовавшихъ въ то время литературныхъ направленій, исходя изъ опредѣленныхъ, до нихъ существовавшихъ школъ, — они быстро, съ помощію дѣятельнѣйшей работы надъ собою, переходили къ самостоятельному творчеству и создавали совершенно новый міръ, поражающій оригинальнѣйшею самобытностію. Такъ, вслѣдъ за юношескими стихами, въ которыхъ Данте воспѣвалъ идеальный образъ своихъ молодыхъ увлеченій (ср. въ его «Vita Nuova»), великій итальянскій поэтъ задумываетъ и весь отдается колоссальной работѣ надъ его вѣчнодивнымъ, чарующимъ созданіемъ «Divina Comœdia», — Шекспиръ, оставивъ передѣлку чужихъ и старыхъ драматическихъ пьесъ, чѣмъ началась его художественно-драматическая дѣятельность, выпускаетъ классическую трагедію «Титъ Андроникъ», нѣсколько комедій и задумываетъ уже величайшее свое произведеніе «Гамлета», — Гёте, переживъ страстный періодъ «натиска и бури» и Вертеровскихъ увлеченій, берется

прямо за Фауста, хотя и кончаетъ его (и всетаки не вполнѣ) не раньше какъ спустя много лѣтъ. Такъ было и съ нашимъ Пушкинымъ...

Еще въ Петербургѣ, до отъѣзда на Югъ Россіи, — а въ Петербургѣ, за это время жизни, онъ работалъ, въ общемъ, не больше одного года и 8 мѣсяцевъ, — онъ уже вполнѣ разстается, какъ я сказалъ, съ наслѣдственно переданной ему галломаніей, относя божество русскихъ пѣнтовъ и баръ-галломановъ XVIII в. — Вольтера къ числу «выдохшихся болтливыхъ шутовъ», а по переѣздѣ на Югъ, во время четырехлѣтняго пребыванія въ Бессарабіи, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Одессѣ — не только переживаетъ новое и модное тогда Байроновское увлеченіе, но и создаетъ за эти четыре-пять лѣтъ рядъ превосходнѣйшихъ лирическихъ стихотвореній и поэмъ и пишетъ большое классическое произведеніе «Евгеній Онѣгинъ», обнаруживъ въ немъ и почти полную зрѣлость таланта, и настоящую самобытность художественнаго творчества. Впрочемъ, сближенія этого рода, которыя можно бы провести дальше и дальше въ литературномъ развитіи названныхъ поэтовъ и нашего Пушкина, — могутъ считаться лишь внѣшними и случайными; между нимъ и названными поэтами существуютъ отношенія, близость и родство внутренняго и болѣе интимнаго характера.

Прежде всего, конечно, Пушкинъ въ своемъ творествѣ стоялъ внѣ прямого, непосредственнаго воздѣйствія или зависимости отъ нихъ, даже и отъ Шекспира, и если трагедія «Борисъ Годуновъ» задумана и составлена подъ несомнѣннымъ вліяніемъ послѣдняго, то Пушкинъ въ этомъ случаѣ бралъ у него лишь систему драматическаго построенія пьесы — ту систему, которая представляла и представляетъ верхъ совершенства въ развитіи новѣйшей драмы, и предъ которой всѣ другія теоріи старой и новой драматической поэзіи являлись жалкимъ анахронизмомъ. Пушкинъ родственъ и близокъ къ названнымъ поэтамъ-классикамъ во всемъ его міропредставленіи, въ творествѣ, во взглядѣ на искусство, въ его нравственномъ самоопредѣленіи и въ отношеніяхъ къ людямъ и къ обществу. Міровоззрѣніе и міропредставленіе ихъ можно выразить двумя нѣмецкими словами, съ которыми Гёте окончилъ жизнь и которыя составляютъ девизъ западно-европейскаго просвѣщенія, съ первыхъ же лѣтъ эпохи возрожденія: «Licht, Mehr Licht», или такія же предсмертныя слова нашего Пушкина: «Выше, выше поднимите, туда, выше»

т. е. «свѣту больше», свѣту, простору и свободы для личнаго всесторонняго развитія дарованныхъ человѣку силъ и способностей. Природа, во всемъ разнообразіи ея красоть, человѣкъ, въ его иногда богоподобномъ величіи, иногда же въ дикомъ клекотаніи бурныхъ страстей, любовь, дружба, правда человѣческаго существованія, разумность въ социальныхъ, общественныхъ и международныхъ отношеніяхъ, и—выше всего — горячая любовь къ родной странѣ — къ ея благу и преуспѣнію на пути развитія и усовершенствованій: вотъ идеальный міръ ихъ думъ, ихъ созданій и творчества. Въ этотъ міръ вводилъ и вводитъ насъ и Пушкинъ. И, при этомъ, у него, какъ и у названныхъ поэтовъ, всюду — жизнерадостное настроеніе здоровой и мощной души, сила, энергія, трепетаніе и размахи широкой жизни.

Да, Пушкинъ вполне и всецѣло ввелъ насъ въ семью культурныхъ народовъ Запада и далъ намъ истинное сокровище красоть высоко-художественной поэзіи — родной, русской. Настоящимъ, вполне художественнымъ и необыкновенно-чуднымъ сочетаніемъ русскихъ красоть сѣвера и юга запечатлѣны всѣ созданія Пушкинскаго генія. И нужно ли называть, для подтвержденія и иллюстраціи, тѣ дивныя картины Сѣвера и Юга и то безконечное разнообразіе живыхъ образовъ, картинъ и видовъ, цвѣтовъ и тоновъ, которыми поражаетъ въ его стихахъ, которыя оглушаютъ, ослѣпляютъ насъ и такъ близки и дороги намъ! Кавказъ, Крымъ, Бессарабія, Кіевъ и Москва, море и степи, родныя лѣса, мхи и болота, крестьянскія лачужки и боярскія хоромы, сѣрая «армяжная» Русь, съ ея лаптями и сапогами-скороходами, съ ея — горемъ-нуждой и веселымъ, широкимъ разгуломъ-раздольемъ, и тутъ же, бокъ-о-бокъ, и столичная знать, съ ея барствомъ, фиглярствомъ и скукой, «преданья старины глубокой» и — живая, животрепещущая, голая и неподкрашенная общественно-бытовая правда и современность тогдашней Пушкинской Руси, и т. д. и т. д. А эти вѣчно живые образы, высѣченные гениальной рукой поэта-мастера: Кавказскій Плѣнникъ, Алеко, Петръ Великій и другіе герои «Полтавы», Борисъ Годуновъ, Пимень, Евгенийъ Онѣгинъ, или — чарующіе красотой души, образы русскихъ женщинъ-красавицъ: Маріи, Татьяны, Ксеніи и проч.! Это цѣлое море жизни, съ неподкрашенной и не подрумяненной пейзажами и пейзажками (какъ было въ обычаѣ у франко-русскихъ поэтовъ XVIII вѣка) природой родной нашей страны, съ прошлымъ и настоящимъ, ея добромъ и лихомъ, съ

живыми людьми на первомъ планѣ, съ біеніемъ и трепета-ніемъ могучаго русскаго сердца! И вся эта жизнь создана творческой мыслию великаго поэта, выношена его грудью, со-грѣта его любовью, освѣщена его художественнымъ свѣточемъ, мягкимъ, ласкающимъ взоръ... Онъ открываетъ предъ нами эту жизнь, вводитъ насъ въ нее, и — отъ насъ уже, отъ на-шей воспримчивости и художественной подготовленности зави-сится, созерцая эту жизнь, творчески созданную имъ, само-углубляться и вмѣстѣ — восторгаться истиннымъ восторгомъ художественнаго наслажденія. А языкъ — чудный Пушкин-скій языкъ, и его стихъ, преодолѣвавшій всякіе преграды и хитрости метрики и стихосложенія, — развѣ не доводятъ они родную нашу рѣчь до такой высоты художественной обра-ботки, какая только возможно для нея?!.. ¹⁾.

Но. довольно. Позвольте лишь въ заключеніе моей рѣчи обра-тить ваше вниманіе на знаменательное совпаденіе, отмѣченное, между прочимъ, и вчера на торжественномъ актѣ Академіи Наукъ (26 мая). По великодушному и благороднѣйшему почину нашего миролюбиваго Государя, тамъ, далеко отъ насъ, въ столицѣ не-большаго государства, искони служившаго мирнымъ и гостепрім-нымъ пріютомъ для принятія и охраны носителей и вырази-телей великихъ, благотворнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ идей чело-вѣчества, происходятъ въ небольшомъ «лѣсномъ домикѣ» совѣ-щанія всѣхъ почти народовъ культурной земли — совѣщанія о мирѣ всего міра, о чемъ такъ усердно всегда молила и молить Бога наша святая Православная Церковь, — здѣсь, на святой Руси, подавшей призывъ къ этимъ совѣщаніямъ, въ этотъ же самый моментъ всенародно празднуется торжество одного изъ представителей и выразителей такихъ именно великихъ и пло-дотворнѣйшихъ идей челоуѣчества — торжество идей мира, правды, добра, красоты и свободы, торжество тѣхъ возвышен-ныхъ, идеально-радостныхъ желаній и мечтаній, которыми только живетъ и живъ челоуѣкъ на землѣ. Самой благород-нѣйшей и возвышенной мечтой Пушкина было видѣть — «раб-ство, падшее по манію Царя». И оно — это рабство на Руси, страшное крѣпостное право, по манію Царя-Освободителя, пало... Теперь предстоитъ пасть всесвѣтному рабству, въ которомъ, какъ въ стальной бронѣ, такъ называемый вооруженный миръ

¹⁾ См. мою брошюру: Значеніе А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературно-общественнаго развитія, Спб. 1899 г., стр. 6—7.

держитъ всѣ народы земли, ежеминутно угрожая цѣлыя просвѣщеннѣйшія страны превратить въ пустыню. Будемъ же надѣяться и ожидать, что и эта наша молитва *о мирѣ всего міра*, которой, безъ сомнѣнія, всей своей отзывчивой и благороднѣйшей душой отдался бы и нашъ великій народный пѣвецъ любви и высшихъ благъ мира—рано или поздно, молитва эта будетъ услышана. Какъ разъ именно у перваго же изъ Западно-Европейскихъ представителей новой гуманно-просвѣщенной Европы, у великаго итальянца Данте идеально-возвышеннѣйшей и священной мечтой было—водворить миръ на землѣ, на основѣ Евангельскаго ученія: «воздадите Кесарево Кесареви и Божіе Богу»—миръ и мирно-культурное развитіе всѣхъ и каждаго на основѣ Христова ученія объ отношеніяхъ между духовными и земными владыками и народами земли. А великій и суровый Данте былъ постояннымъ духовнымъ сопутникомъ и нашего великаго поэта А. С. Пушкина, былъ для него въ нѣкоторомъ родѣ тѣмъ же, чѣмъ для Данте поэтъ-классикъ *Виргилій*, съ тѣмъ различіемъ, что для Данте классическія литературы древности въ лицѣ *Виргилія* представляли то же, что для Пушкина новыя, западно-европейскія, въ лицѣ ихъ лучшихъ представителей и вождей, хотя, какъ и Данте, нашъ Пушкинъ всегда былъ и оставался глубоко-національнымъ поэтомъ и человѣкомъ съ истинно-народной прекраснѣйшей русской душою, которую онъ и передалъ потомству въ своихъ созданіяхъ, въ чемъ—все его величіе и красота, въ чемъ для насъ онъ то же, что Данте для *Италіи*, Шекспиръ для *Англии*, Гёте для *Германіи*...

Закончу словами, съ которыми вчера Августѣйшій президентъ Академіи наукъ обратился къ присутствовавшимъ въ блестящемъ торжественномъ собраніи столичной интеллигенціи, посвященномъ памяти великаго поэта: «Да живетъ во вѣки въ русскихъ сердцахъ имя Пушкина—любовь, гордость и слава нашей Россіи!»...

Профессоръ А. Пономаревъ.
